

НЕДЕЛЯ,
ЧТОБЫ ВЛЮБИТЬСЯ

Катя Саммер

Катя Саммер

НЕДЕЛЯ,
ЧТОБЫ ВЛЮБИТЬСЯ

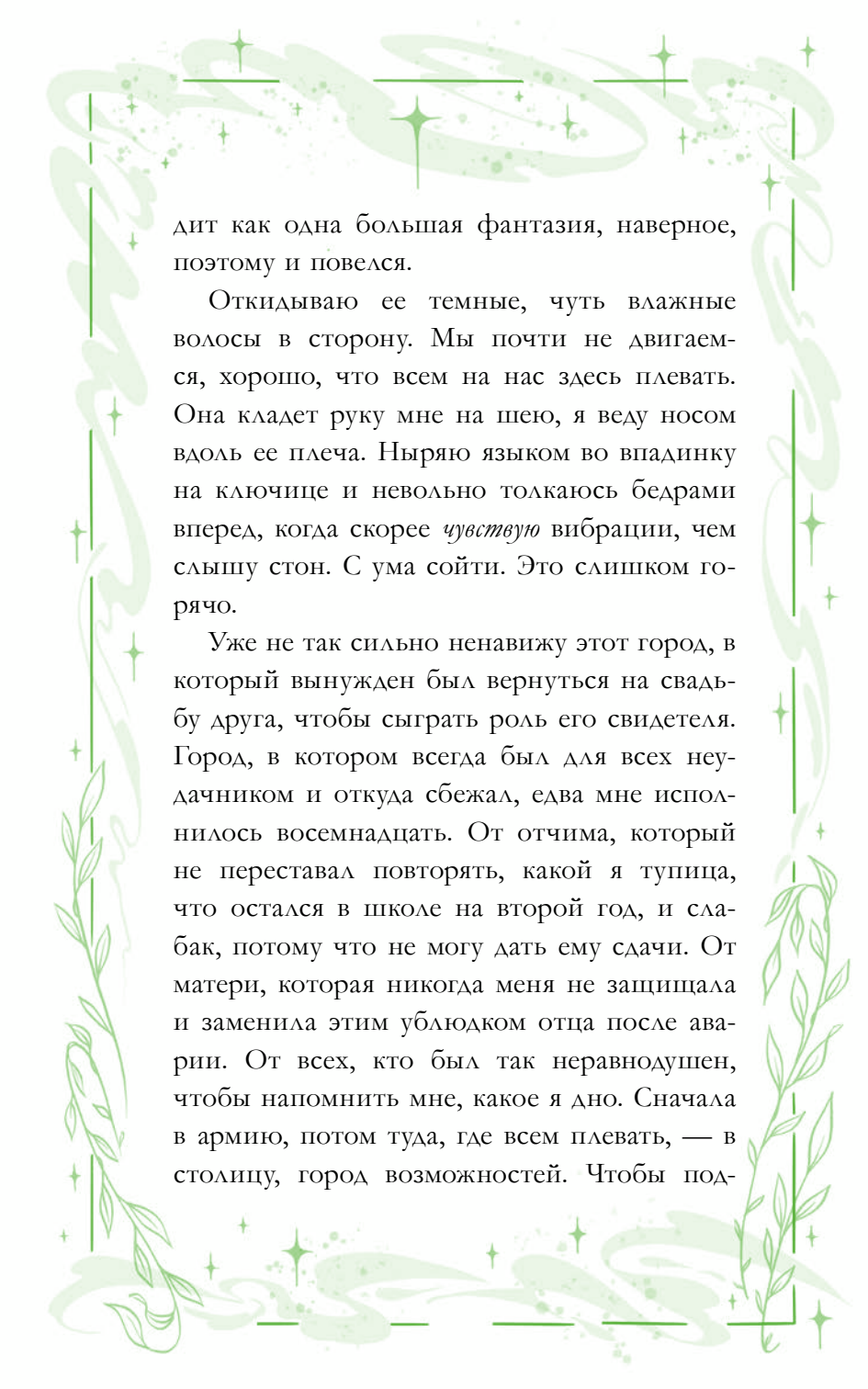

1

ОНА ПАХНЕТ КАК попкорн и сладкая вата. Запах из детства, который обещал мелкому пацану аттракционы и радость. И пусть мы сейчас не в парке Революции, а на танцполе ночного клуба, где жарко и потно, но выброс эндорфинов и прочих гормонов счастья я получаю не меньший.

Девчонка жметя ближе, вертит подтянутой задницей у моего паха. В джинсах становится теснее, чем во всем клубе, где и так яблоку негде упасть. Крепче сжимаю пальцы на ее талии. Такой тонкой, что они почти замыкаются в кольцо. Тонкие талии и запястья — моя слабость.

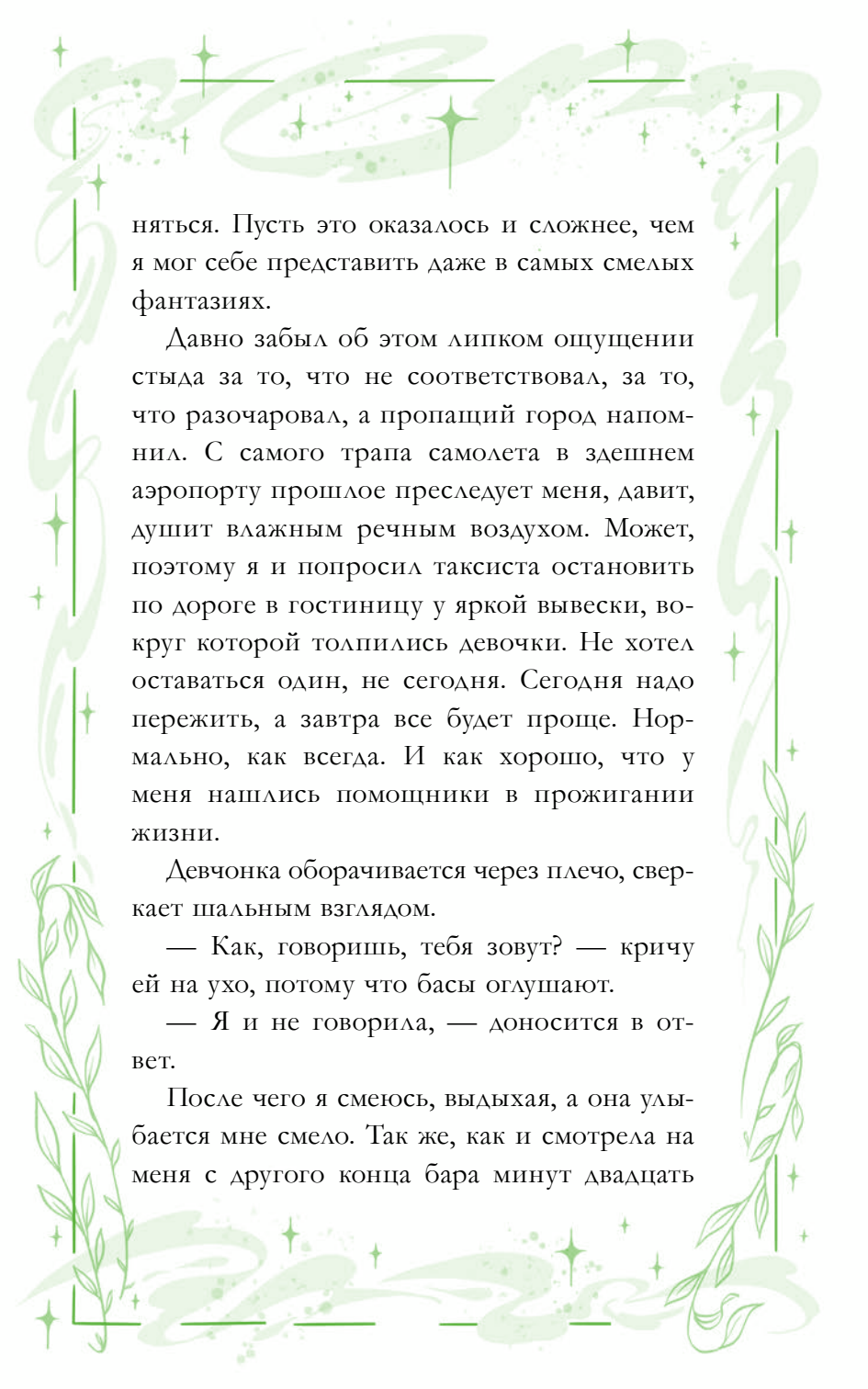
Выдыхаю через крепко стиснутые зубы, веду ладонями выше по обнаженной коже. На малышке короткая рваная футболка. Черная, как я и люблю. Она в целом выгля-

дит как одна большая фантазия, наверное, поэтому и повелся.

Откидываю ее темные, чуть влажные волосы в сторону. Мы почти не двигаемся, хорошо, что всем на нас здесь плевать. Она кладет руку мне на шею, я веду носом вдоль ее плеча. Ныряю языком во впадинку на ключице и невольно толкаюсь бедрами вперед, когда скорее *чувствую* вибрации, чем слышу стон. С ума сойти. Это слишком горячо.

Уже не так сильно ненавижу этот город, в который вынужден был вернуться на свадьбу друга, чтобы сыграть роль его свидетеля. Город, в котором всегда был для всех неудачником и откуда сбежал, едва мне исполнилось восемнадцать. От отчима, который не переставал повторять, какой я тупица, что остался в школе на второй год, и слабак, потому что не могу дать ему сдачи. От матери, которая никогда меня не защищала и заменила этим ублюдком отца после аварии. От всех, кто был так равнодушен, чтобы напомнить мне, какое я дно. Сначала в армию, потом туда, где всем плевать, — в столицу, город возможностей. Чтобы под-

няться. Пусть это оказалось и сложнее, чем я мог себе представить даже в самых смелых фантазиях.

Давно забыл об этом липком ощущении стыда за то, что не соответствовал, за то, что разочаровал, а пропащий город напомнил. С самого трапа самолета в здешнем аэропорту прошлое преследует меня, давит, душит влажным речным воздухом. Может, поэтому я и попросил таксиста остановить по дороге в гостиницу у яркой вывески, вокруг которой толпились девочки. Не хотел оставаться один, не сегодня. Сегодня надо пережить, а завтра все будет проще. Нормально, как всегда. И как хорошо, что у меня нашлись помощники в прожигании жизни.

Девчонка оборачивается через плечо, сверкает шальным взглядом.

— Как, говоришь, тебя зовут? — кричу ей на ухо, потому что басы оглушают.

— Я и не говорила, — доносится в ответ.

После чего я смеюсь, выдыхая, а она улыбается мне смело. Так же, как и смотрела на меня с другого конца бара минут двадцать

подряд. В упор. Пока не подошел угостить ее, а она не вытащила меня на танцпол, куда я обычно и не совался.

Понравилась мне своей прямоотой. Не из тех глянцевых кукол, что прилипли, как мухи, фальшиво улыбаясь, стоило приземлиться на барный стул. Мне хватило двух минут понять, что я не настолько голодный и пьяный, чтобы повестись. А с этой конфетой я почти трезвый тан-цу-ю. Узнал бы Макс, тот самый друг, что решил расстаться с холостой жизнью, — засмеял бы.

Веду ладонями по хрупким плечам, оставляя на них дорожки мурашек. Она мягкая. Девчонка. И при всей заявленной дерзости очень явно смущается от моего взгляда, который скачет с глаз на губы и обратно. Пытается вдруг от меня отвернуться, но я ловлю двумя пальцами подбородок, удерживаю. Затем накрываю ее губы своими — и сразу с места в карьер. Прохожусь по ним языком, кусаю, а только приоткрывает рот, чтобы ответить, — я отступаю.

— Ты вкусная. — Это звучит негромко, между нами, но она читает по губам, улыбается. — Смородина?

— Ежевичный тоник.

— Курить хочу, — сжав тонкую шею и не позволяя ей отвернуться, говорю прямо на ухо. — Выйдешь со мной? Не хочу оставлять тебя без присмотра.

Она бросает беглый взгляд в сторону подруг, которые литрами заглатывают коктейли, не обращая на нее никакого внимания.

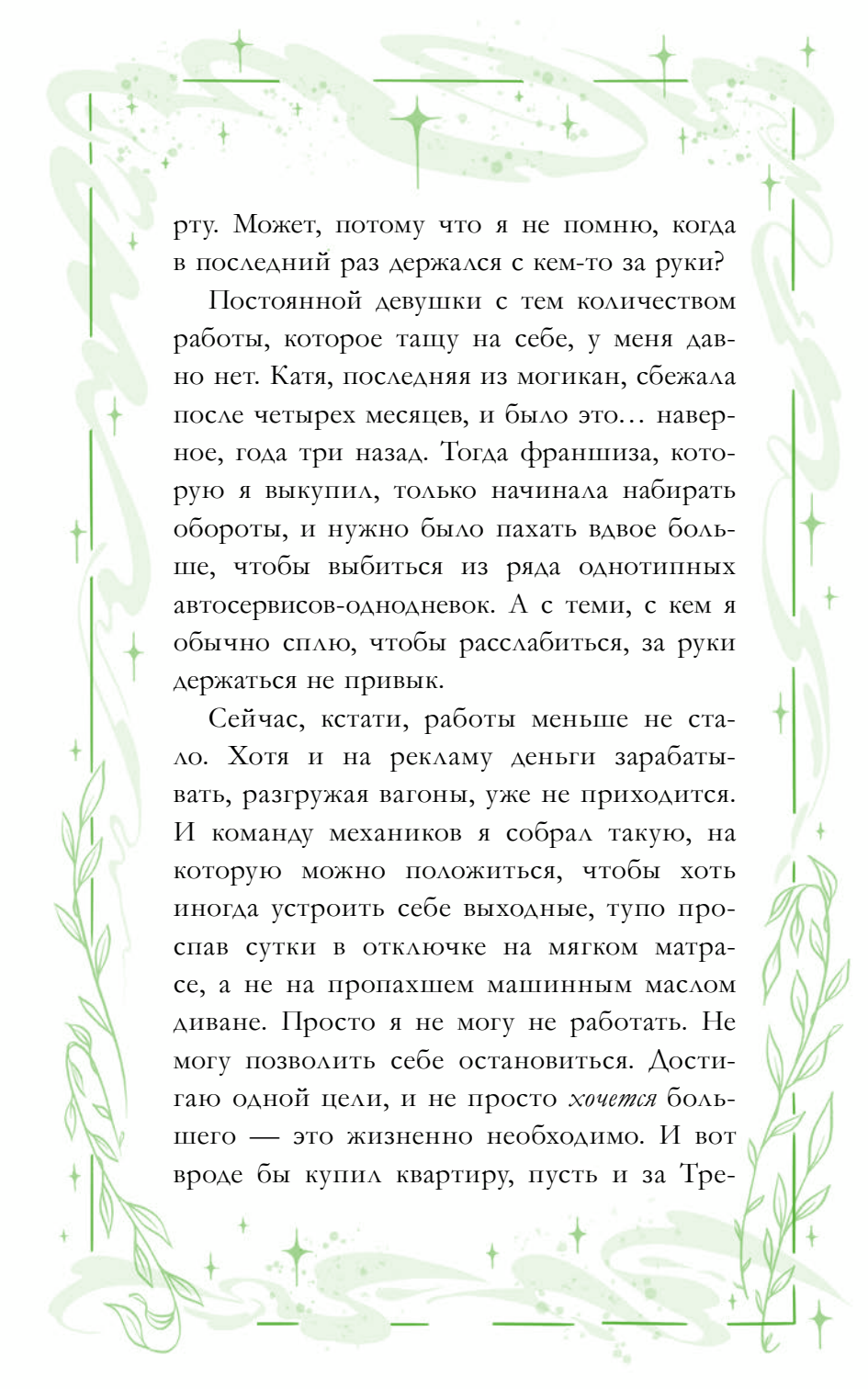
— Не думаю, что это хорошая идея, — прикусив пухлую губу, говорит мне.

Строит из себя гордую и неприступную? Зачем, если векторы наших желаний явно совпадают?

— Боишься, я такой дикарь, что наброшусь на тебя, как только мы выйдем во двор? — Наклоняюсь ниже, а ее губы распахиваются, и она судорожно втягивает больше воздуха. — Или ты этого ждешь?

— Иди ты...

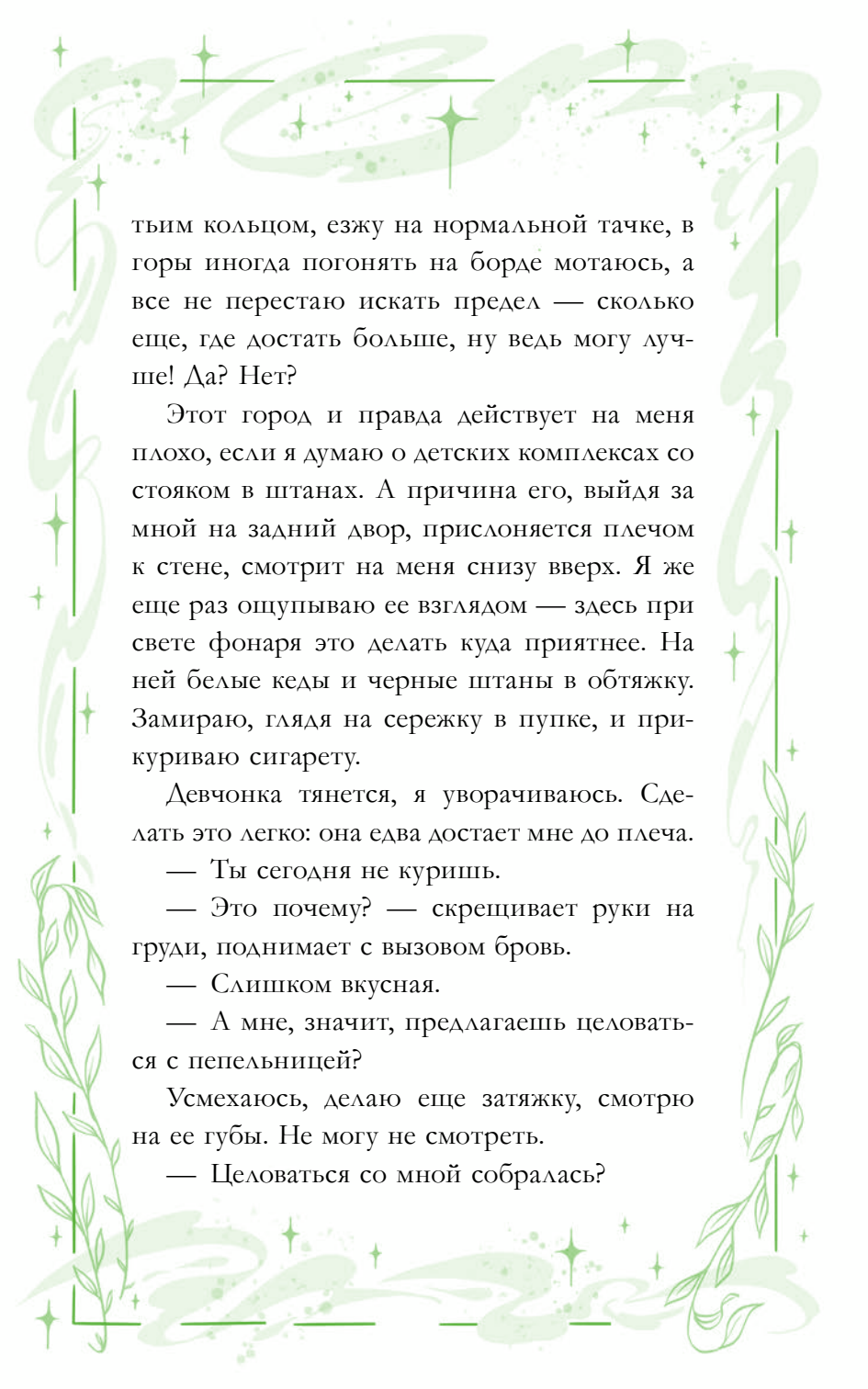
Утыкаюсь носом в ее шею, чтобы снова вдохнуть сладковатый запах. Слегка кусаю, чтобы умирала пыл. Ее тело отзывается, поэтому я не жду, что еще скажет, просто увожу ее. Крепко сжимаю руку, переплетая пальцы, и это действие почему-то кажется намного интимнее, чем мой язык у нее во

рту. Может, потому что я не помню, когда в последний раз держался с кем-то за руки?

Постоянной девушки с тем количеством работы, которое тащу на себе, у меня давно нет. Катя, последняя из могижан, сбежала после четырех месяцев, и было это... наверное, года три назад. Тогда франшиза, которую я выкупил, только начинала набирать обороты, и нужно было пахать вдвое больше, чтобы выбиться из ряда однотипных автосервисов-однодневок. А с теми, с кем я обычно сплю, чтобы расслабиться, за руки держаться не привык.

Сейчас, кстати, работы меньше не стало. Хотя и на рекламу деньги зарабатывать, разгружая вагоны, уже не приходится. И команду механиков я собрал такую, на которую можно положиться, чтобы хоть иногда устроить себе выходные, туло проспав сутки в отключке на мягком матрасе, а не на пропахшем машинным маслом диване. Просто я не могу не работать. Не могу позволить себе остановиться. Достигаю одной цели, и не просто *хочется* большего — это жизненно необходимо. И вот вроде бы купил квартиру, пусть и за Тре-

тым кольцом, езжу на нормальной тачке, в горы иногда погонять на борде мотаюсь, а все не перестаю искать предел — сколько еще, где достать больше, ну ведь могу лучше! Да? Нет?

Этот город и правда действует на меня плохо, если я думаю о детских комплексах со стояком в штанах. А причина его, выйдя за мной на задний двор, прислоняется плечом к стене, смотрит на меня снизу вверх. Я же еще раз ошупываю ее взглядом — здесь при свете фонаря это делать куда приятнее. На ней белые кеды и черные штаны в обтяжку. Замираю, глядя на сережку в пупке, и прикуриваю сигарету.

Девчонка тянется, я уворачиваюсь. Сделать это легко: она едва достает мне до плеча.

— Ты сегодня не куришь.

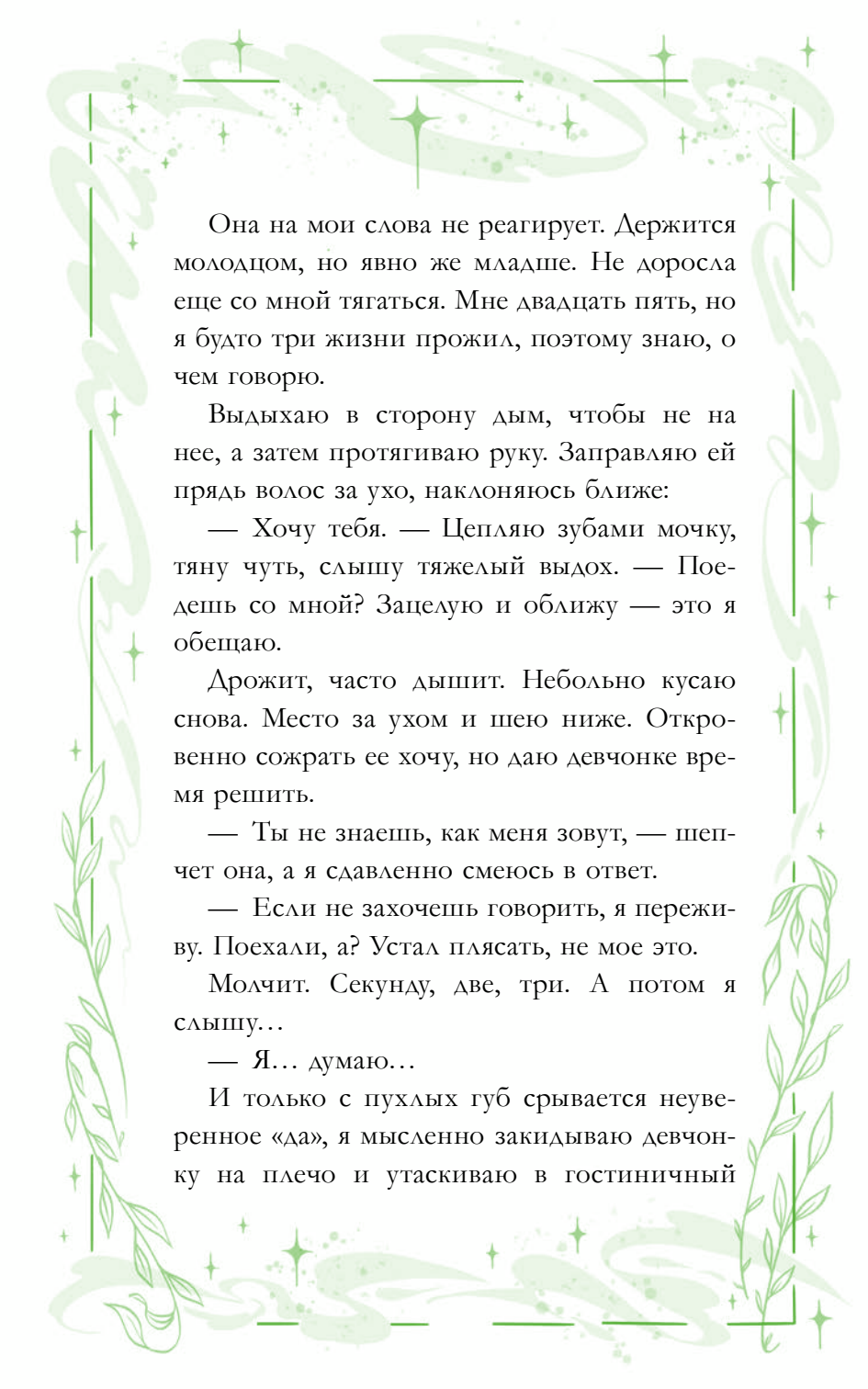
— Это почему? — скрещивает руки на груди, поднимает с вызовом бровь.

— Слишком вкусная.

— А мне, значит, предлагаешь целоваться с пепельницей?

Усмехаюсь, делаю еще затяжку, смотрю на ее губы. Не могу не смотреть.

— Целоваться со мной собралась?

Она на мои слова не реагирует. Держится молодцом, но явно же младше. Не доросла еще со мной тягаться. Мне двадцать пять, но я будто три жизни прожил, поэтому знаю, о чем говорю.

Выдыхаю в сторону дым, чтобы не на нее, а затем протягиваю руку. Заправляю ей прядь волос за ухо, наклоняюсь ближе:

— Хочу тебя. — Цепляю зубами мочку, тяну чуть, слышу тяжелый выдох. — Поедешь со мной? Зацелую и оближу — это я обещаю.

Дрожит, часто дышит. Небольно кусаю снова. Место за ухом и шею ниже. Откровенно сожрать ее хочу, но даю девчонке время решить.

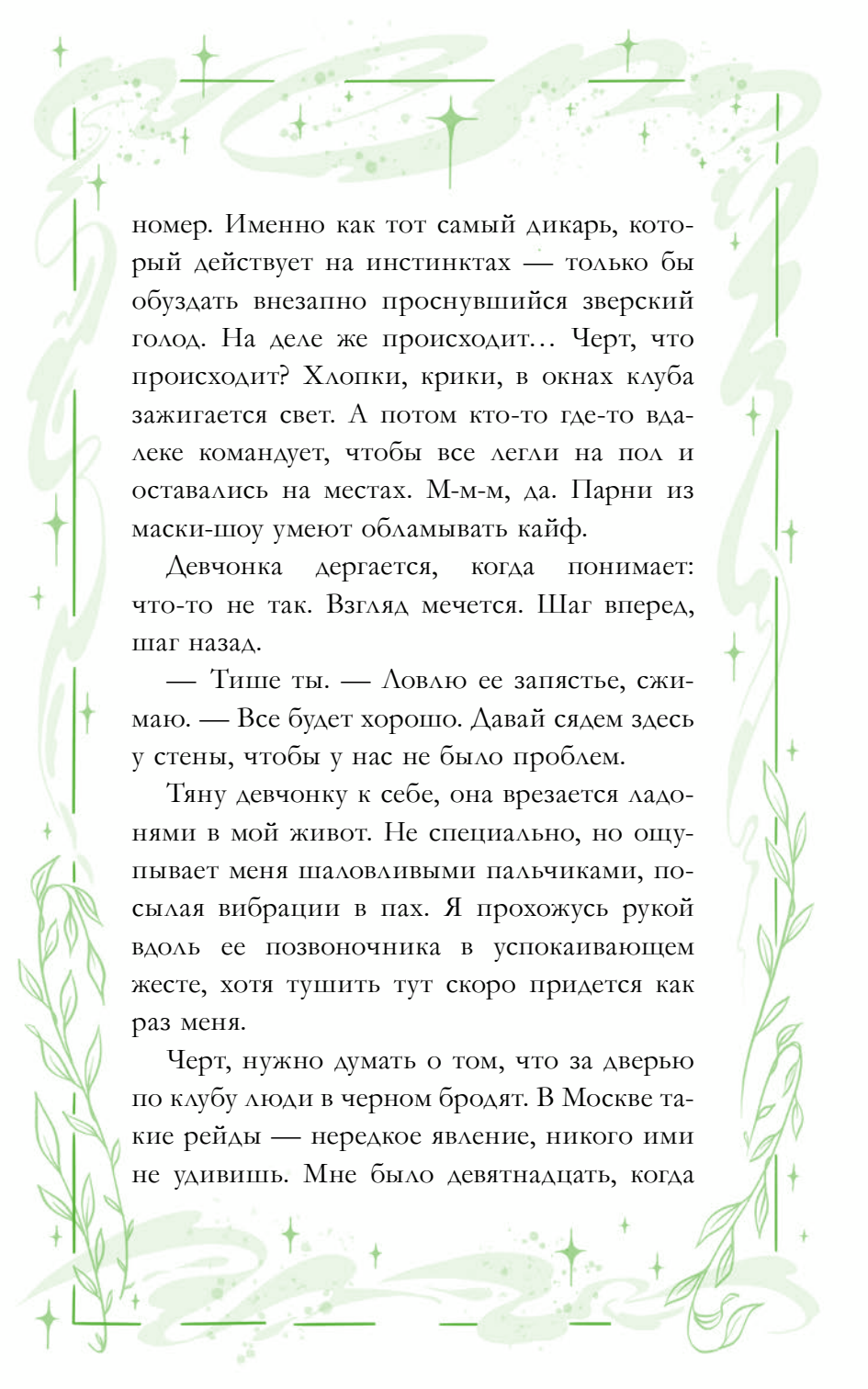
— Ты не знаешь, как меня зовут, — шепчет она, а я сдавленно смеюсь в ответ.

— Если не захочешь говорить, я переживу. Поехали, а? Устал плясать, не мое это.

Молчит. Секунду, две, три. А потом я слышу...

— Я... думаю...

И только с пухлых губ срывается неуверенное «да», я мысленно закидываю девчонку на плечо и утаскиваю в гостиничный

номер. Именно как тот самый дикарь, который действует на инстинктах — только бы обуздать внезапно проснувшийся зверский голод. На деле же происходит... Черт, что происходит? Хлопки, крики, в окнах клуба зажигается свет. А потом кто-то где-то вдалеке командует, чтобы все легли на пол и оставались на местах. М-м-м, да. Парни из маски-шоу умеют обламывать кайф.

Девчонка дергается, когда понимает: что-то не так. Взгляд мечется. Шаг вперед, шаг назад.

— Тише ты. — Ловлю ее запястье, сжимаю. — Все будет хорошо. Давай сядем здесь у стены, чтобы у нас не было проблем.

Тяну девчонку к себе, она врезается ладонями в мой живот. Не специально, но оцупывает меня шаловливыми пальчиками, посылая вибрации в пах. Я прохожусь рукой вдоль ее позвоночника в успокаивающем жесте, хотя тушить тут скоро придется как раз меня.

Черт, нужно думать о том, что за дверью по клубу люди в черном бродят. В Москве такие рейды — нередкое явление, никого ими не удивишь. Мне было девятнадцать, когда